

- Зверева В.В.* «Новое солнце на Западе»: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008.
- Сазонова А.А.* Латинский гимн Альдхельма как панегирик западносакским королям последней трети VII в. // Историческая память: Люди и эпохи: Тез. науч. конф., Москва, 25–27 ноября 2010 г. М., 2010. С. 246–249.
- Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. by B. Colgrave and R.A.B. Mynors.* Oxford, 1969.
- Hunter Blair P.* The *Moore Memoranda* on Northumbrian History // The Early Cultures of North-West Europe (H.M. Chadwick memorial studies). Cambridge, 1950. P. 245–257.
- Keynes S.D.* Between Bede and the *Chronicle*. BL Cotton Vespasian B. vi, fols. 104–9 // Latin Learning and English Lore: Studies in Anglo-Saxon Literature for Michael Lapidge. Toronto, 2005. Vol. 1. P. 47–67.
- Kirby D.P.* Bede and Northumbrian Chronology // The English Historical Review. L., 1963. Vol. 78, N 308. P. 514–527.
- Kirby D.R.* Bede's Native Sources for the *Historia Ecclesiastica* // Anglo-Saxon History: Basic Readings. N.Y.; L., 2000. P. 55–81 (впервые опубли. в 1966 г.).
- Page R.I.* Anglo-Saxon Episcopal Lists // Nottingham Medieval Studies. 1965. Vol. 9. P. 71–95; 1966. Vol. 10. P. 2–24.
- Story J.* The Frankish Annals of Lindisfarne and Kent // Anglo-Saxon England. Cambridge, 2005. Vol. 34. P. 59–109.
- Tolochko O.P.* Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011.

А.А. Гуппиус

К ХАЗАРСКОЙ ДАНИ

Согласно Повести временных лет, появление в Киеве Аскольда и Дира застало его население данниками Хазарского каганата. «Была суть 3 братья, Кии, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ, родъ ихъ, платяче дань хазаромъ» (Лавр. С. 20–21), – отвечают киевляне на расспросы бояр Рюрика, направляющихся по Днепру в Царьград. Картину властного подчинения восточнославянских племен в середине IX века ПВЛ рисует симметричной: «Имаху дань Варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнхъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ, а Козари имаху на

Поланѣх и на Сѣверѣх и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣи вѣверицѣ от дыма» (Лавр. С. 19).

«Белая веверица» как норма выплаты дани встраивается в ПВЛ в определенный ряд. Ее ближайший аналог – «черная куна», которую Олег (885) постановил брать с древлян; далее следует дань «по щелягу», которую радимичи платили хазарам, а с 6393 г. – Олегу; также по щелягу (с уточнением: «от рала») платили хазарам и вятичи, пока их не завоевал Святослав. Наконец, особняком стоит в этом ряду, открывая его, знаменитая дань мечами, с уплаты которой, по ПВЛ, началось хазарское господство над полянами. Очевидная легендарность эпизода заставляет рассматривать его отдельно от других, для чего известно текстологическое основание дает точка зрения А.А. Шахматова (1908/2002. С. 359–360), видевшего в истории с хазарской данью вставку Свода Никона 1073 г.

Впрочем, другие элементы вышеописанной картины также неоднородны в плане истории текста. В отразившей Начальный свод конца XI в. Новгородской 1-й летописи отсутствует информация о выплате полянами, северянами и вятичами дани хазарам «по белой веверице» – такую дань платят только северные племена; не упоминается хазарская дань и в рассказе о вокняжении в Киеве Аскольда и Дира. Кроме того, в соответствии с иной трактовкой фигуры Олега, дани, которые он устанавливает в ПВЛ, в НПЛ отнесены к Игорю, при этом сведения о подчинении радимичей и северян отсутствуют, зато говорится о подчинении уличей.

Принимая гипотезу Начального свода, мы, в отличие от А.А. Шахматова, считаем, что в начальных статьях НПЛ мл этот свод отразился без сколько-нибудь заметных сокращений и искажений. Это означает, что в Начальном своде картина даннических отношений, сложившихся к середине IX в. на землях восточного славянства, была лишена той симметрии, которая свойственна ей в ПВЛ. Южным соответствием дани «по белой веверице», которую словене и другие северные племена платили варягам, выступает в этой неравновесной композиции странная дань мечами, однажды уплаченная полянами хазарам и совершенно невысказанная в качестве регулярных выплат в дальнейшем. Вместе с тем хазарское владычество и в Начальном своде представлено как длительное состояние, уподобленное египетскому плену («так и си: прѣвѣ владѣша, послѣ же самими владѣша»). Чем же в таком случае платили поляне хазарскую дань на всем протяжении этой эпохи? И каким образом они были освобождены от этой дани? Начальный свод ответа на этот вопрос не давал.

Выход из положения подсказывает, казалось бы, трактовка эпизода с хазарской данью как вставки свода 1073 г. В таком случае оказывается, что исходный текст летописи (по А.А. Шахматову, Древнейший свод) вообще ничего не сообщал о подчинении полян хазарами, и о даях в нем впервые говорилось применительно к северным племенам. Это решение, однако, не снимает внутренней противоречивости эпизода, который, при прозрачности его провиденциального смысла, эксплицитно выраженного параллелью с библейскими событиями, выглядит на редкость странно с точки зрения самого сюжета летописного рассказа. В самом деле: предложение меча в качестве дани вряд ли может быть понято иначе, чем как знак готовности к вооруженному сопротивлению, равносильный отказу от выплаты дани как таковой. В перспективе же последующих даннических отношений этот знак десемантизируется. Зачем было полянам предлагать хазарам мечи в ответ на требование дани? Чтобы, намекнув на освобождение от нее в будущем, начать покорно выплачивать «по белой веверице»? Это недоумение может, конечно, показаться наивным с точки зрения подхода, признающего примат библейского «подтекста» над историческим содержанием летописи. Заметим поэтому, что в других случаях выявляемый в тексте летописи «библейский план» не наносит ущерба сюжетной логике, но надстраивается над ней как высший уровень интерпретации. Здесь же такая логика попросту отсутствует.

Не стала ли она жертвой редактирования текста? Думать так позволяет сделанный ранее вывод (Гиппиус 2000. С. 179–180; Гиппиус 2006. С. 91), согласно которому библейская параллель в рассказе о хазарской дани представляет собой интерполяцию, синхронную появлению других выдержанных в том же ключе фрагментов, в частности – «агиографических» вставок в рассказе о крещении Ольги (ср.: «яко и при Фаравонѣ цѣсари Еюпетьстѣмь, еда приведоша Моисѣя предѣ Фаравона...»; «Се же бысть якоже при Соломанѣ, приде цѣсарица Ефиопская к Соломану...»). Вставной характер этого пассажа свидетельствуется, с одной стороны, его языковой маркированностью (наличие новой формы аориста *рекоша*), а с другой – дублированием слов «яко же и бысть», присутствующих как в интерполированной основе, так и в тексте самой интерполяции. Первоначальный вид заключительной части эпизода реконструируется следующим образом: «*И рѣша старьци Козарьстии: не добра дань кънаже, мы ся доискахомъ ороужьемъ единою стороною острѣмь, рекѣше саблами, а сихъ ороужье

обоюдоу остро, рекъше мечь; си имоуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ <...>. Якоже и бысть: володѣють бо Козары Русьскіи кнѣзи и до днешняго дне».

Выделение библейской параллели в интерполяцию исключает из состава первоначального текста единственный в Начальном своде фрагмент с упоминанием хазарского владычества над полянами. Без этой интерполяции смысл эпизода оказывается совершенно иным: речь идет уже не о подчинении полян хазарами, но лишь о неудачной попытке такого подчинения. С точки зрения автора рассказа, регулярной дани хазарам поляне никогда не платили; при попытке обложить их данью, они дали мечи, продемонстрировав готовность постоять за себя.

При таком прочтении эпизода содержательная необходимость предполагать его вставное происхождение отпадает. (Для А.А. Шахматова таким основанием были слова «Нъ мы на преднее возвратимся», при помощи которых в Н1 мл происходит возвращение к прерванному рассказу. Однако слова эти вполне могли быть добавлены редактором, вставившим пассаж о Моисее, поскольку именно в результате этой редакции рассказ приобрел характер большого отступления). В реконструируемой исходной композиции история с «хазарской данью» становится точкой отсчета одной из главных тематических линий, связанной с расширением территории Киевского государства. Пророчество хазарских старцев о том, что население Киева будет «имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ», последовательно реализуется в деятельности Олега, Игоря, Ольги, Святослава и Владимира. При этом об освобождении самого Киева от хазарской зависимости речь, естественно, не идет, так как по логике первоначального рассказа это освобождение произошло в тот самый момент, когда поляне «въдаша отъ дыма мечь», отвергнув тем самым властные притязания хазар.

О том, что рассказ о хазарской дани, без библейской интерполяции, изначально присутствовал в летописном тексте, говорит и следующее обстоятельство. В рассказе об основании Киева поляне названы «мудрыми и смысленными». Все парные формулы этого типа сосредоточены в древнейшей части ПВЛ (до конца X в.) и не встречаются в описании позднейших событий (Гиппиус 2009. С. 268–272). Это позволяет видеть в них один из признаков того нарративного ядра начального киевского летописания, которое мы, вслед за М.Н. Тихомировым, определяем как «Сказание о русских князях» (или «Древнейшее Сказание»). Однако, подобные эпитеты всегда имеют под собой определенные сюжетные основа-

ния. «Мудр и храбр» Игорь – он хитростью захватил Киев, убив Аскольда и Дира; «мудр и храбр» Олег – он ходил на греков и обложил их данью; «мудра и смыслена» Ольга, трижды отомстившая за Игоря; «мудр и смыслен» Владимир, сделавший правильный выбор веры, а также его послы, инспектировавшие службы трех конфессий. Но почему «мудры и смыслены» поляне? Считая рассказ о хазарской дани вставкой, ответить на это вопрос непросто. Между тем, если этот рассказ первоначален, то именно в нем и проявляется мудрость полян, нашедших способ без вооруженного сопротивления уйти от обложения данью.

Существенно также, что рассказ о дани мечами находит яркие литературные параллели в других текстах, принадлежность которых к «Сказанию» кажется весьма вероятной. Это, во-первых, рассказ о «испытании» Святослава греками. Русский князь равнодушен к золоту, но радуется мечу – на этом основании греки заключают, что он «лють муж хочет быти». Два эпизода объединяет мотив узнавания характера противника по его дани или реакции на дары, при этом в обоих случаях в качестве дара (дани) выступают мечи. Сходный мотив представлен и в рассказе о походе Владимира на болгар под 985 г. О силе противника Добрыня заключает по обуви пленных: «сѣглядахъ колодник: вси в сапозех, *сим дани нам не даяти*, поидем искати лапотник». Ср. в рассказе о хазарской дани: «*си имоуть имати дань на насъ и на инѣхъ странахъ*». Литературную общность трех эпизодов особо подчеркивает то, что заключение о противнике делается в них мудрыми советниками правителя: хазарскими старейшинами, царскими боярами, старшим родичем киевского князя. В эпизоде со Святославом участвует также «мудрый муж», посланный наблюдать за поведением русского князя – формула, хотя и не содержащая пары прилагательных, но явно из той же обоймы, что и определение полян как «мужей мудрых и смысленных».

В отличие от полян, новгородские словене не удостоены летописью подобных определений, и это хорошо согласуется с уже отмеченной несимметричностью рисуемой Начальным сводом картины, в которой поляне платят (точнее, однажды заплатили) хазарам дань обоюдоострыми мечами, тогда как словене, кривичи, меря и чудь платят варягам обычную дань «по белой веверице». Эту картину есть все основания считать изначальной, характеризующей нарративное ядро ПВЛ – «Сказание» как текст с последовательно киевоцентричной концепцией. Согласно этой концепции, Киев, основанный братьями-полянами, всегда был независимым городом. Поляне, благодаря своему мудрому решению, уходят от

хазарской дани, в то время как «новгородские люди» сначала платят дань варягам, а затем, изгнав их, оказываются неспособны управляться самостоятельно и призывают варяжских князей. После смерти основателей Киева («по братии той») образовавшийся вакуум власти заполняют Аскольд и Дир, которые, однако, лишь объявляют себя князьями («нарекостася князема»), не являясь легитимными правителями. Характерно, что водворение их в Киеве происходит без какого-либо сопротивления со стороны хазар – это естественно, если исходить из предлагаемой трактовки истории с «хазарской данью». Подлинного князя Киев получает в виде Игоря, легитимность и княжеское достоинство которому придает происхождение от Рюрика, правившего, пусть не в Киеве, а в Новгороде, на законных основаниях. Пришедшая с Игорем русь, обосновавшись в Киеве, сливается с полянами («оттоле прочии прозвашася русью»), отождествляясь с ними в диахронической перспективе: и те и другие в концепции «Сказания» – «люди киевские» на разных стадиях истории города, одинаково противопоставленные «новгородским людям» – словенам. Противопоставление руси и словен в рассказе о походе Олега на Царьград воспроизводит на очередном историческом витке противопоставление полян и словен в рассказах о хазарской дани и призвании варягов.

Представление о том, что поляне на протяжении довольно длительного времени были подвластны хазарам, по-видимому, вошло в летопись на стадии составления Начального свода. Его составитель, моделируя историю Русской земли по библейскому образцу, не мог не уподобить хазарского периода этой истории египетскому рабству Израиля. Свое дальнейшее развитие эта – исторически более достоверная – версия истории хазарской дани получила уже на страницах ПВЛ.

Что же до откровенной тенденциозности, с которой данный сюжет излагался в реконструируемом «Сказании», то она не должна удивлять. Таким же искажением исторической реальности была и представленная в Начальном своде (и, вероятно, также восходящая к «Сказанию») трактовка фигуры Олега как воеводы Игоря, вызванная стремлением проследить прямую линию наследования киевского стола от Рюрика до Владимира.

Примечание

* Доклад подготовлен в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

Литература

- Гиппиус А.А.* «Рекоша дружина Игореви»: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // *Russian Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 147–181.
- Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // *Вереница литер. Сборник к 60-летию В. М. Живова*. С. 56–96.
- Гиппиус А.А.* «Рекоша дружина Игореви-3». Ответ О. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Ralaeoslavica*. XVII. 2009. P. 152–195.
- Лавр.* — Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Лавреньевская летопись.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. I. Кн. 1.

Г.В. Глазырина

О ФАКТОРАХ, ПРИВЕДШИХ К УТРАТЕ ИСЛАНДИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В 1262–1264 гг.

В 1262 г. исландский альтинг заключил с королем Хаконом IV Хаконарсоном (1217–1263) договор о союзе Исландии и Норвегии, согласно которому исландцы становились вассалами норвежского короля и обязались ежегодно уплачивать ему фиксированные налоги (*Diplomatarium islandicum*. S. 646–658). В течение двух последующих лет на региональных тингах клятву верности королю принесли все жители страны. К тому моменту, когда этот процесс был завершен, королем Норвегии стал Магнус Хаконарсон Исправитель Законов (1263–1280), от имени которого был подписан новый договор (*Diplomatarium islandicum*. S. 661–716). В истории Исландии, никогда не знавшей королевской власти, завершился так называемый «период свободного государства» (или «эпоха народо-властия»), который, начавшись в 930 г. с образованием альтинга – народного собрания, продолжался около 250-ти лет.

В отечественной историографии, а также в ряде вышедших на русском языке исследований скандинавских историков, радикальная смена статуса Исландии подробного освещения практически не получила. Как правило, лишь констатируется факт заключения альтингом вассального договора (см., например: Сванидзе 1992. С. 405, 413, 416; Хелле 2003. С. 86). Лишь А.Я. Гуревич указал на те факторы, которые привели к утрате Исландией независимости, и отметил: во-первых, экономическую зависимость страны от Нор-